

7. Kajmarazov G.Sh. Oчерки istorii kul'tury narodov Dagestana. Ot vremeni prisoedinenija k Rossii do nashih dnei. M.: Nauka, 1971.

8. Kandorova Zh. Kabardinskij gosudarstvennyj teatr – segodnja // Literaturnaja Kabardino-Balkarija. 2008. № 6. S. 24–26.

9. Korzun V.B., Mal'sagov D.D., Oshaev H.D. Osnovnye jetapy razvitiija checheno-ingushskoj sovetskoj literatury // Oчерk istorii checheno-ingushskoj literatury. Groznyj: Checheno-Ingushskoe kn. izd-vo, 1968.

10. Kul'turnoe stroitel'stvo v Dagestanskoj ASSR. 1941–1977 gg.: sb. dokumentov. Mahachkala: Dagest. kn. izd-vo, 1988. T. 2.

11. Kul'turnoe stroitel'stvo v Checheno-Ingushetii (ijun' 1941–1980 gg.): sb. doklady i materialov. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1985.

12. Musahanova G. Literatura narodov Dagestana poslevoennyh let (1946–1954 gg.) // Oчерki dagestanskoj sovetskoj literatury. Mahachkala: Dagest. kn. izd-vo, 1957.

13. Naloev Z.M. Poslevoennaja kabardinskaja poezija (1945–1956). Nal'chik: Jel'brus, 1970.

14. Narodnoe hozjajstvo RSFSR v 1960 g. Statisticheskij ezhegodnik. M., 1961.

15. Oчерk istorii osetinskoj sovetskoj literatury. Ordzhonikidze: Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1967.

16. Oчерki istorii Checheno-Ingushskoj ASSR. 1917–1970 gody: v 2 t. Groznyj: Checheno-Ingush. kn. izd-vo, 1972. T. II.

17. Pes'jakov S.A. Nacional'noe i internacional'noe v osetinskoj muzykal'noj kul'ture // Idei družby i internacionalizma v osetinskom sovetskom iskusstve. Ordzhonikidze: Kn. tipografija Gos. Komiteta Severo-Osetinskoj ASSR po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoj trgovli, 1986. S. 50–74.

18. Rol' Rossii v jekonomicheskom i kul'turnom razvitiij Dagestana (1921–1990 gg.). Dokumenty i materialy / sost. G.I. Kakaganov, M.K. Nagieva, N.D. Chekulaev. Mahachkala: IP Ovchinnikov (ALEF), 2011.

19. Tepleev A.M. Pojezija pervogo poslevoennogo desjatiletija. 1946–1956 // Oчерki istorii balkarskoj literatury. Nal'chik: Jel'brus, 1981. S. 144–152.

20. CGA RD. F. 168-r. Op. 14. D. 974.

21. CGA RD. F. 1297-r. Op. 1. D. 20.

22. Corieva I.T. Teatr Severnoj Osetii vo vtoroj polovine 1950-h – 1960-e gg. // Vestn. Vladikav. nauch. centra. 2011. T. II. № 2. S. 2–6.

23. Shnajder V.G. Osobennosti sociokul'turnoj situacii na Severnom Kavkaze v seredine 1940-h – konce 1950-h gg. // Vestnik RUDN. Ser.: Istrija Rossii. 2007. № 3. S. 111–118.

24. Jekonomicheskie i kul'turnye svjazi narodov Dagestana s narodami respublik Severnogo Kavkaza (1921–1990 gg.). Dokumenty i materialy / sost. M.K. Nagieva. Mahachkala: IIAJe DNC RAN, ALEF, 2013.

Literature and art of the Autonomous republics of the North Caucasus in 1946–1950: some aspects of development and interaction

Based on the regional historiographic experience and the new factual material, the article represents an attempt to highlight the main aspects of the development of one of the most important components of the cultural life of the people in North Caucasus Autonomous republics – the artistic culture – in the conditions of the multinational region in the period of postwar recovery and development of the national economy.

Key words: North Caucasus, development, art culture, cooperation, literature, art.

(Статья поступила в редакцию 11.08.2017)

С.В. СЕРЕБРЕННИКОВ*
(Кемерово)

**ВЕЩЕВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
НА ТЕРРИТОРИИ СССР
В 1945–1956 гг.
(страницы отечественной
и зарубежной историографии)**

Впервые рассматривается освещение российскими и зарубежными исследователями вещевого обеспечения японских военнопленных в лагерях на территории СССР (1945–1956 гг.). Представлен историографический анализ работ историков России и ряда исследователей Украины, Швейцарии и Японии, опубликованных в 1994–2017 гг., в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы вещевого снабжения и обеспечения японских военнопленных на территории Советского Союза.

Ключевые слова: японские военнопленные в СССР, ГУПВИ, лагеря НКВД – МВД СССР, вещевое обеспечение, снабжение, спецодежда, отечественная историография, зарубежная историография.

Советско-японская война 1945 г. завершилась пленением 640 тыс. военнослужащих Квантунской армии [34, с. 162], и к концу ноября 1945 г. на территории СССР находилось

* Orcid.org/0000-0002-4019-2292.

уже свыше 570 тыс. пленных японцев [11, с. 107].

К настоящему времени не издано ни одной научной работы, посвященной вещевому обеспечению японских военнопленных в лагерях на территории СССР. Однако этот вопрос нашел отражение в диссертациях и монографиях о японских военнопленных, а также иностранных военнопленных Второй мировой войны. Опубликован целый ряд научных статей, авторы которых его также затрагивают. Тем не менее анализ освещения отечественными и зарубежными историками вещевого обеспечения японских военнопленных в лагерях на территории СССР до сих пор не был осуществлен.

Первым материальное обеспечение японских военнопленных на территории СССР затронул военный юрист и историк В.П. Галицкий. В его статьях, опубликованных в 1990 г., отмечалось, что по продовольственному и медицинскому обеспечению японские военнопленные приравнивались к военнослужащим тыловых частей Советской армии и «содержание военнопленных в основном отвечало требованиям Женевской конвенции 1929 года, хотя Советский Союз эту конвенцию и не ратифицировал. Ее положения практически осуществлялись», причем, как подчеркнул В.П. Галицкий, «не только по питанию» [9, с. 117; 10, с. 39]. Однако о вещевом обеспечении японцев он не говорил.

В начале 1990-х гг. приступили к изучению вопросов, связанных с пребыванием японских военнопленных на территории СССР (в т.ч. их вещевого обеспечения) историки С.И. Кузнецов, О.Д. Базаров и Е.Ю. Бондаренко. Они первыми для изучения проблемы обратились к документам архивов конкретных регионов: Иркутской области (С.И. Кузнецов), Бурятии (О.Д. Базаров и С.И. Кузнецов), Дальнего Востока (Е.Ю. Бондаренко). В 1994 г. в первой монографии о японских военнопленных в СССР, изданной в России, О.Д. Базаров и С.И. Кузнецов привели отдельные сведения о вещевом обеспечении японских пленных, доставленных в Бурятию и Иркутскую область. В учебном пособии, изданном С.И. Кузнецовым в том же году, а также в защищенной им диссертации (в этих работах впервые в отечественной историографии освещалось пребывание японских пленных на всей территории СССР) [29; 30] задача осветить вещевое обеспечение японских военнопленных не ставилась.

В середине 1990-х гг. вопросы материального, в т.ч. вещевого, обеспечения военно-

пленных Второй мировой войны в Сибирском регионе стали изучать новосибирские историки С.С. Букин и А.А. Долголюк. Не рассматривая отдельно обеспечение японских пленных, они привели в своих статьях отдельные сведения по данному вопросу [6; 7].

Во второй половине 1990-х гг. С.И. Кузнецов, О.Д. Базаров, Е.Ю. Бондаренко, М.А. Кузьмина опубликовали монографии [1; 5; 32; 33], в которых затрагивались вопросы вещевого обеспечения японских военнопленных в лагерях Сибири и Дальнего Востока СССР.

М.А. Кузьмина и Е.Ю. Бондаренко рассматривали вещевое обеспечение японских пленных, прибывших в Дальневосточный регион. В книге М.А. Кузьминой представляют интерес выдержки из документов архивов Москвы, Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска, характеризующих быт и вещевое обеспечение пленных, которые исследовательница опубликовала впервые. Но оценок и комментариев автор не привела [33, с. 64–70]. Е.Ю. Бондаренко, отметив, что проблема обеспечения военнопленных одеждой являлась одной из «наиболее трудноразрешимых в первые послевоенные годы» [5, с. 16], указала, что прибывшие в сентябре 1945 г. в лагерь № 18 (Комсомольск-на-Амуре) 5858 японских военнопленных были «в летнем обмундировании, абсолютно непригодном к дальнейшей носке (разрядка наша.— С.С.)» [Там же, с. 17], и подчеркнула, что подобная картина была типичной: «как правило, в дальневосточные лагеря пленные прибывали в изорванном летнем обмундировании, практически не пригодном к носке» [Там же, с. 24]. «Нательное белье <...> японцев, — пишет далее Е.Ю. Бондаренко, — было изношено обычно на 50 и более процентов» [Там же, с. 24–25]. Однако она никак не пояснила, когда и где бывшие японские военнослужащие так износили нательное белье и изорвали свое летнее обмундирование.

В этой же монографии Е.Ю. Бондаренко отметила: «Практически ни у кого из японцев не было спецодежды (речь идет о периоде 1946–1947 гг. — С.С.). Те из военнопленных, кому спецодежду все же выдали, “продали ее на сторону”, в обмен на продукты» [Там же, с. 13]. Историк не пишет, производилось ли расследование случаев «продажи спецодежды на сторону».

В монографии О.Д. Базарова вопрос об обеспечении японцев вещевым имуществом в лагерях на территории Бурят-Монгольской АССР не освещался. Автор лишь привел воспо-

минания начальника эшелона японских плен-ных, прибывших в Бурятию осенью 1945 г., Г. Цепеннинова, который указал, что в эше-лоне имелся «небольшой вещевой склад» [1, с. 16]. О.Д. Базаров также, ссылаясь на архив МВД Республики Бурятии, привел сведения о практиковавшихся в лагерях «незаконных изъятиях у японцев одежды, наручных часов и других личных вещей» [Там же, с. 25].

С.И. Кузнецов в своей монографии опубликовал несколько фрагментов воспоминаний бывших японских военнопленных и местных жителей, свидетельствующих о просчетах и проблемах в вещевом обеспечении пленных, а также о практиковавшемся среди пленных и местных жителей обмене (японцы активно меняли свои вещи на продукты питания). Однако анализ системы вещевого снабжения и обеспе-чения японских военнопленных в советских лагерях автором не проводился.

Во второй половине 1990-х гг. приступил к изучению комплекса вопросов, связанных с трудоустройством военнопленных Второй мировой войны в СССР, С.Г. Сидоров. В начале 2000-х гг. он опубликовал монографию и защитил диссертацию [41; 42], в которых уде-лил внимание и организации вещевого обеспе-чения пленных, в том числе японских. Истори-к привел анализ взаимосвязи вещевого обеспе-чения пленных (в том числе спецодеждой) и эффективности их трудового использова-ния. Автор не ставил задачу отдельно исследовать вещевое обеспечение японских военноплен-ных, но приведенные им примеры, факты, таблицы (например, таблица «Обеспеченность японских военнопленных зимним обмундиро-ванием по состоянию на 1 января 1946 г.» [42, с. 146]) значимы.

Важны для понимания рассматриваемой темы и работы А.Л. Кузьминых – известного историка советского военного плена. В его дис-сертации, монографии и статье анализируется организация вещевого снабжения иностран-ных военнопленных Второй мировой войны в СССР [34–36]. Однако задачу исследовать вещевое обеспечение японских военноплен-ных историк перед собой не ставил.

В начале 2000-х гг. защитили кандидатские диссертации М.Н. Спиридонов и С.В. Кара-сев, впервые в определенной степени рассмо-трели вопрос вещевого обеспечения плен-ных японцев, размещенных в Красноярском крае [43] и Читинской области [23]. М.Н. Спи-ридонов осветил ряд аспектов вопроса в разделе «Лагерный режим содержания японских во-

еннопленных». Он акцентирует внимание на расхищении того имущества, которое находи-лось в эшелонах японцев, прибывающих в ре-гион, приводит важный архивный материал о вскрытых специальной комиссией фактах хи-щения материальных ценностей при ликвида-ции лагеря № 33 [43, с. 50–51, 58–59].

В диссертации С.В. Карасева также нет раз-дела о вещевом обеспечении японских плен-ных; отдельными штрихами он попытался по-казать трудности и проблемы в вещевом снаб-жении пленных конкретных лагерей Читин-ской области. Так, автор пишет о том, что в 1946 г. на Букачачинском руднике японские военнопленные не обеспечивались в необхо-димом объеме «теплыми верхними вещами, теплой обувью, спецодеждой» [23, с. 107].

Новые труды Е.Ю. Бондаренко (моногра-фия и докторская диссертация [3; 4]) также не содержали разделов о вещевом обеспечении японских военнопленных в лагерях. Повторяя материал монографии, изданной в 1997 г., ав-тор пишет об отсутствии у пленных спецодеж-ды и «продаже ее на сторону» теми пленными, «кому спецодежду все же выдали» [3, с. 129]. Также повторно историк пишет о прибытии в сентябре 1945 г. в лагерь № 18 трех эшелонов с военнопленными в количестве 5 858 чел. в летнем обмундировании, абсолю-тно непригодном к дальнейшей нос-ке [Там же, с. 133]. Однако вновь остался за рамками исследования вопрос, каким образом за непродолжительное время, прошедшее по-сле сдачи японцев в плен, их обмундиро-вание пришло в полную негодность. Обраца-ет на себя внимание и тот факт, что, как ука-зывает историк, проблему вещевого обеспе-чения военнопленных зимой 1945–1946 гг. за счет изъятия недостающей одежды «с трофей-ных складов Маньчжурии» почему-то решали не местные органы ГУПВИ, а «руководство дальневосточных организаций ВКП(б)» [Там же, с. 142–143].

В начале 2000-х гг. начала изучать вопросы материального, в т.ч. вещевого, обеспечения иностранных военнопленных Второй мировой войны в лагерях Западной Сибири Н.М. Марк-дорф. Вначале в центре ее внимания были не-мецкие пленные, размещенные в этом регионе, но в отдельных ее работах встречаются сведе-ния о вещевом обеспечении японских военно-пленных [37–38].

В последние годы Н.М. Маркдорф вместе с А.А. Долголюком стала публиковать рабо-ты, территориальные рамки которых охваты-

вают весь Сибирский регион. В их монографиях и статьях, изданных в 2014–2016 гг. [15–19], присутствует материал о вещевом обеспечении японских военнопленных в сибирских лагерях. И хотя в этих работах также нет специальных разделов о вещевом обеспечении пленных, авторы опубликовали интересный материал по нескольким аспектам интересующего нас вопроса.

Важный сектор историографии темы составляют исследования, в которых выявлены особенности вещевого обеспечения японских пленников, трудившихся в суровых условиях на строительстве БАМа. Этот производственный объект являлся в то время самым значительным в восточной части страны по целому ряду позиций (в сообщении министра внутренних дел С.Н. Круглова на имя В.М. Молотова от 2 сентября 1946 г. отмечалось, что из 463 760 чел., содержащихся в лагерях МВД, спецгоспиталей и отдельных рабочих батальонах, на строительстве БАМа (это строительство относилось к МВД СССР) находится 121 941 чел. [49, с. 231]). Но данная группа работ представлена лишь фрагментами диссертаций и монографий С.И. Кузнецова, С.В. Карасева, С.Г. Сидорова, А.А. Долголюка и Н.М. Маркдорф, а также фрагментами статей А.А. Долголюка, А.Г. Миронова, С.И. Кузнецова, А.В. Шалака [14; 31; 39; 48]. Специальных работ о вещевом обеспечении японских строителей БАМа мы не встретили.

К середине 2000-х гг. в историографии проблем японских военнопленных в СССР стало набирать силу направление, характеризующееся подготовкой обобщающих трудов, посвященных историческим и правовым аспектам пребывания японских военнопленных в СССР. В этих трудах отчасти затрагивается и вопрос о вещевом обеспечении японских военнопленных Второй мировой войны в СССР.

Определенное внимание интересующему нас вопросу уделила Е.Л. Катасонова, опубликовавшая в первой половине 2000-х гг. две монографии [25; 27], а в 2004 г. защитившая докторскую диссертацию [26]. Анализируя причины низкой производительности труда в лесной промышленности (она, по информации автора, была самой низкой из всех отраслей экономики и составляла – на валке, корчевке, обрубке и вывозе леса – 1,9–9,4 %), Е.Л. Катасонова называет среди причин необеспеченность пленников спецодеждой [26, с. 101]. В 2007 г. защитил докторскую диссертацию С.В. Карасев

[21]. В его новых работах [20; 21] вопрос о вещевом обеспечении японских военнопленных в лагерях СССР освещается, но фрагментарно.

В последние годы к данной группе исследователей присоединился С.П. Ким. В 2016 г. он защитил диссертацию, в которой нашел отражение вопрос вещевого обеспечения японских военнопленных в лагерях СССР [28]. Как и другие авторы, он не рассматривает этот вопрос в отдельном разделе. О вещевом обеспечении японцев он пишет в параграфах «Размещение японских военнопленных в лагерях НКВД СССР» и «Распределение военнопленных в экономической системе СССР и организация их труда». Однако в отличие от многих, С.П. Ким подробно осветил организацию перемещения японских военнопленных на территорию СССР осенью 1945 г. и выявил, на кого было возложено сопровождение эшелонов и обеспечение порядка в пути, а значит – кто ответственен за «утрату и расхищение» имущества японцев по пути следования. Историк отметил, что «из-за загруженности железнодорожных путей, а также отсутствия автотранспорта военнопленные вынуждены были добираться до мест назначения самостоятельно, если места их размещения находились рядом с советско-маньчжурской границей. Так, чтобы добраться до лагерей, расположенных в приграничной с Маньчжурией местности в Хабаровском и Приморском краях, военнопленные японцы за относительно короткий срок преодолевали до 2 тысяч км» [28, с. 76]. Это во многом объясняет, почему (по информации Е.Ю. Бондаренко, см. выше) в дальневосточные лагеря пленные прибывали в изорванном летнем обмундировании, почти не пригодном к носке. Однако (по понятным причинам) не объясняет дважды описанный Е.Ю. Бондаренко случай прибытия в сентябре 1945 г. в лагерь № 18 (Комсомольск-на-Амуре) трех эшелонов с 5 858 военнопленными в летнем обмундировании, абсолютно непригодном к дальнейшей носке [3, с. 133; 5, с. 17].

Для С.П. Кима характерно более пристальное внимание к анализу решений, принимаемых руководством ГУПВИ по различным вопросам, в том числе вопросам вещевого обеспечения военнопленных. Но обращает на себя внимание то, что в выводах по первой и второй главам диссертации (в которых автор затрагивал интересующий нас вопрос) он ничего не говорит о вещевом обеспечении.

В 2016 г. Э.-Б. Гучинова опубликовала монографию, в которой раскрываются отдель-

ные стороны организации вещевого обеспечения японских военнопленных в лагерях СССР. Э.-Б. Гучинова впервые в историографии для оценки вещевого обеспечения японцев использовала изобразительный метатекст, дополненный материалами опубликованных воспоминаний и устных интервью бывших пленников, собранных ею во время командировок в Японию. Материал по интересующему нас вопросу разбросан по разным главам монографии. Наибольший интерес представляет подраздел «Одежда и солдатские ботинки» в одной из глав монографии [12, с. 160–164].

Завершая анализ работ отечественных историков, следует отдать должное А.Л. Кузьминых, в трудах которого [34–36] основательно проанализирован ряд вопросов организации вещевого снабжения иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР. Хотя автор не ставил своей целью исследовать вещевое обеспечение (обеспечение и снабжение – не синонимы. – С.С.) японских пленников в послевоенные годы, приведенный им материал представляет большой интерес.

Зарубежные исследователи, писавшие о пребывании японских военнопленных на территории СССР, также затрагивали вопрос об их вещевом обеспечении. Так, японский профессор Такэси Томита опубликовал работы [46–47], в которых встречается материал о вещевом обеспечении японских пленников в советских лагерях. В главе монографии «Российско-японские отношения в формате параллельной истории» он затрагивает данный вопрос в подразделе «Обращение с военнопленными и Женевская конвенция». Вопреки мнению В.П. Галицкого, автор утверждает, что Женевская конвенция 1929 г. в СССР не выполнялась по всем пунктам, касающимся вопросов обращения с военнопленными, в том числе п. 6 («военнопленный имеет право на личное обмундирование и личные вещи»). Обращает на себя внимание то, что автор делает категоричные и даже резкие выводы: «В холодные периоды не предоставлялись теплая одежда и обувь <...> При отправке домой администрация лагеря, по условиям конвенции, должна была вернуть каждому личные вещи, взятые в свое время под расписку, <...> но в реальности этого не делалось» [46, с. 536], а такие слова, как «по нашим данным», «вероятно», «как можно судить» и т.п., не использует.

Т. Томита в 2011 г. отмечал, что «пока не работал в местных российских архивах» [45, с. 603]. В его трудах, изданных в 2015, 2017 гг.,

также нет ссылок на местные архивы. Видимо, это и не позволило ему выявить многие важные детали, увидеть то, что не встретилось ему в документах центральных архивов (с некоторыми из них он работал) и мемуарах своих соотечественников. Отметим, что значимость местных архивов признал и сам Т. Томита: «Для изучения реального положения дел с выполнением <...> приказов высшего руководства мы должны изучать документы местных архивов», – написал он [45, с. 603].

Швейцарский исследователь Рихард Дэлер, долгое время проживавший в Японии, подготовил и опубликовал диссертацию «Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе 1945–1956. Сравнение воспоминаний о пережитом» (2006), в которой также затрагивал вопрос о вещевом обеспечении японских военнопленных в СССР. Однако в выводах диссертации он по какой-то причине ничего не говорит о вещевом обеспечении (возможно, считая вопрос не таким важным, как другие) [20].

Монография В.В. Карпова «Пленники Сталина», изданная в 1997 г. на Украине [24], содержит обширный материал об «идеологической обработке» военнопленных в сибирских лагерях, о репатриации японских пленников на родину и др. В небольшой главе «Положение военнопленных в лагерях в начальном периоде плена» автор пишет о бытовых условиях пленников, питании, трудоустройстве. Однако о вещевом обеспечении японцев автор почему-то не говорит. В.В. Карпов анализирует причины заболеваемости и смертности японцев в лагерях, но среди названных им причин мы не видим плохое вещевое обеспечение военнопленных, отсутствие необходимого количества качественной зимней одежды и обуви [24, с. 78–79].

Важной составляющей историографии проблемы является введение в научный оборот документов, отражающих вопросы вещевого обеспечения японских военнопленных в лагерях СССР, публикация отдельных документов и документальных сборников. В 1996 г. в серии «Русский архив» был опубликован сборник «Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР» [40], в котором собраны в основном нормативные документы советского правительства, органов НКВД–МВД по различным вопросам, в том числе организации вещевого снабжения военнопленных в лагерях. Часть материалов в сборнике относится к японским пленным.

Однако авторы публикаций, изданных после 2000 г., чаще использовали документы сборника «Военнопленные в СССР 1939–1956 гг. Документы и материалы», вышедшего в свет в 2000 г. [8]. Составители опубликовали значительный корпус документов (причем более 350 – впервые) по различным аспектам проблемы военнопленных. Есть документы, отражающие вопросы вещевого обеспечения пленных в лагерях, в т. ч. японских. Японский исследователь Т. Томита оценил в 2011 г. данный сборник как «наиболее важное документальное издание о военнопленных, вышедшее в России» [45, с. 601].

В 2013 г. вышел в свет фундаментальный сборник «Японские военнопленные в СССР: 1945–1956» [49], подготовленный В.А. Гавриловым и Е.Л. Катасоновой. Документы, вошедшие в данный труд, освещают различные вопросы, в т.ч. вопросы вещевого обеспечения пленных в лагерях. Это первый в отечественной историографии сборник документов, в котором широко представлены материалы по интересующему нас вопросу.

Публикация названных сборников позволила исследователям существенно расширить документальную базу своих трудов. Анализ работ показывает следующее.

- Исследователи писали о том, в каком обмундировании и с каким имуществом японские военнопленные прибывали в лагеря, расположенные на территории СССР. Э.-Б. Гучинова указывала: «Солдаты оказались в плену в своей военной форме, которая состояла из двух комплектов – мундира, брюк, шинели и плаща-накидки в шерстяном и хлопчатобумажном вариантах. Существовал и рабочий костюм для пехотинца, но вряд ли каждому солдату давали все три комплекта. <...> кроме одежды у каждого солдата были котелок, фляга, комплект постельного белья и другие личные принадлежности. Оказавшись в плену в летнем обмундировании в августе 1945 г., солдаты надеялись на скорую транспортировку в Японию. Но после раздачи зимнего обмундирования стало ясно, что их везут в холодные места, но не на Хоккайдо, а в Россию (разрядка наша. – С.С.)» [12, с. 160].

В отличие от других авторов, Э.-Б. Гучинова подробно разъяснила, что представляло собой зимнее обмундирование японского солдата: «Когда в свое время экипировали Квантунскую армию, ее руководство учитывало холодный климат Маньчжурии. Пехотинец Квантунской армии в сильные морозы но-

сил специальное зимнее обмундирование – меховую шапку, двубортную шинель с подкладкой, рукавицы и войлочные сапоги с кожаными передками» [12, с. 160–161]. Она описывает также имевшийся в японской армии тулуп, сшитый из плотной ткани горчичного цвета: «Корпус укреплен стегаными ватином, а нижняя часть подбита овчиной. Рукава также подбиты мехом кролика <...> Квантунцы имели и рукавицы на заячьем меху». Однако при этом историк отмечает, что в воспоминаниях японцев «не встретила примера, чтобы кто-либо из солдат был хорошо экипирован» [Там же, с. 161] и объясняет это тем, что «возможно <...> третий, рабочий комплект одежды <...> был конфискован при пленении и транспортировке в СССР» или сами пленные «их обменивали (на продукты питания. – С.С.) в первую очередь» [Там же].

Информация Э.-Б. Гучиновой о хорошей экипировке направляемых в сибирские лагеря японцев подтверждается целым рядом воспоминаний сибиряков, которые приведены историками в публикациях. Так, С.И. Кузнецов опубликовал фрагмент воспоминаний кемеровчанина Н. Евсеенко: «Во второй половине 1945 г. к нам на рудник этапом пришло около трехсот человек военнопленных японцев. <...> Солдаты и офицеры были неплохо одеты. Теплые на меху шинели и куртки, теплая обувь» [29, с. 46]. М.Н. Спиридонов привел воспоминания советского офицера Г.П. Горовецкого: «Японцы прибыли полностью экипированными с ног до головы в утепленную мехом форму: шубу, ботинки, кое-кто даже с чехомоданом» [43, с. 39].

Однако в отдельных работах встречаются свидетельства противоположного характера. Так, О.Д. Базаров и С.И. Кузнецов привели воспоминания жителя Улан-Удэ о прибытии в этот город японских пленников «к ноябрьским праздникам <...> в летнем обмундировании» [2, с. 10; 1, с. 16–17]. Из этого ряда выделяется и вышеприведенное утверждение Е.Ю. Бондаренко о прибытии в лагерь № 18 в сентябре 1945 г. 5 858 японских военнопленных в непригодном к носке летнем обмундировании [3, с. 133; 5, с. 17]. Более того, Е.Ю. Бондаренко утверждает, что данный случай был далеко не единичным [5, с. 24]. Видимо, верное объяснение фактам прибытия в дальневосточные (и иные расположенные относительно недалеко от театра военных действий Советско-японской войны 1945 г.) районы пленников в изорванном летнем обмундирова-

нии лежит в русле опубликованного С.П. Ки-мом материала [28, с. 76] (см. цитату на с. 162).

Есть объяснение и тому, почему в воспоминаниях самих японцев ни Э.-Б. Гучинова, ни другие авторы не встретили примеров, «чтобы кто-либо из солдат был хорошо экипирован». Во-первых, имущество, загруженное в эшелоны, шедшие с японцами в СССР, нередко разворовывалось в пути и сразу по прибытии к месту назначения. Во-вторых, «нередки были в лагерях незаконные изъятия у японцев одежды, наручных часов и других личных вещей» [1, с. 25]. В-третьих, прием японских военнопленных в целом ряде случаев был организован плохо. Имущество вываливалось прямо на землю и разворовывалось» [43, с. 50]. Да и сама Э.-Б. Гучинова озаглавила один из подразделов главы своей монографии так: «Мародерство» [12, с. 165–167].

- Исследователи выявили, что вещевое снабжение в лагерях военнопленных возлагалось на отделение обозно-вещевого снабжения (ОВС), штат которых включал начальника, его помощника, бухгалтера, заведующего обозно-вещевым складом, а функции отделений ОВС заключались в:

- а) своевременном обеспечении военнопленных вещевым имуществом по установленным нормам;
- б) приеме, хранении, ремонте, выдаче и учете обозно-вещевого имущества;
- в) организации банно-прачечного обслуживания кадрового состава и военнопленных;
- г) контроле за правильным расходом и эксплуатацией вещевого имущества.

А.Л. Кузьминых, уделивший данному вопросу более пристальное внимание, нежели другие авторы, отмечал, что в ведении службы ОВС находились обозно-вещевой склад, сапожная и портновская мастерские, баня и прачечная [35, с. 265].

Мы не встретили исследований, в которых бы анализировалась работа отделений обозно-вещевого снабжения в лагерях японских военнопленных.

- Авторы писали о фактах хищения имущества, предназначенного для военнопленных, а также о неповоротливости снабженческих структур, халатности работников снабжения, о мародерстве и мошенничестве. А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф отмечали, что «плохо поставленный учет вещевого имущества в лаг-отделениях, отсутствие опыта у руководства обозно-вещевых служб, а часто и недобросовестное отношение к делу со стороны снаб-

женческого аппарата создавали весьма благоприятную почву для хищений» [18, с. 43]. Материал о хищениях имущества военнопленных в лагере № 33 Красноярского края со ссылками на архивы опубликовал М.Н. Спиридонов [43, с. 58–59].

Многие авторы отмечали, что нередко имущество военнопленных незаконно изымалось и разворовывалось еще в пути следования эшелонов в сибирские лагеря и непосредственно по прибытии. Так, М.Н. Спиридонов пишет: «Руководству УНКВД Красноярского края пришлось спешно организовывать оперативные группы для встречи поступающих эшелонов с востока, а также сопровождения их до места назначения, обеспечивая транзит через Красноярский край. Они <...> вели наблюдение и предотвращали попытки мародерства, хищения, разбазаривания имущества <...> со стороны конвоя, продажу ценностей, личного и казенного имущества самими военнопленными» [Там же, с. 50].

А.А. Долголюк, Н.М. Маркдорф и другие авторы писали о том, что министр МВД издавал приказы, направленные на усиление борьбы с хищениями в лагерях. В них требовалось наведение порядка, улучшение учета, проведение внезапных ревизий и осуществление других мер по сохранению и использованию материальных ценностей. Однако анализ выполнения данных приказов в отношении вещевого имущества в лагерях японских военнопленных в их работах, а также в публикациях авторов отсутствует. Лишь в диссертации С.П. Ки-ма мы видим неоднократное обращение к документам, в которых приводятся результаты выполнения приказов министра внутренних дел, указаний, направленных на борьбу с хищениями, но говорится в них главным образом о борьбе с хищениями продовольствия [28, с. 141–143].

- Исследователи отмечали, что важным элементом организации процесса трудоустройства японских пленных являлось обеспечение японцев спецодеждой. А.А. Долголюк, специализирующийся на изучении истории сибирских строителей в послевоенные годы, в своих работах (в том числе и совместно с Н.М. Маркдорф) в большей степени, чем другие авторы, акцентировал внимание на обеспечении японских пленных спецодеждой. Так, в статье «Японские военнопленные на строительстве железной дороги Тайшет – Братск» А.А. Долголюк утверждал, что «трудоспособных военнопленных выводили на работы в той

же самой одежде, которая была у них в повседневной носке. Спецодеждой они обеспечивались редко» [14, с. 519]. В статье А.А. Долголюка и Н.М. Маркдорф говорится: «Обеспечение строителей спецодеждой, а в зимнее время теплой ватной или меховой одеждой и валенками <...> [являлось] необходимым условием нормальной организацией производственного процесса» [17, с. 129]. Но «в редких случаях <...> японские военнопленные получали такое обмундирование. В дефиците были и рукавицы. Руководство лагерей часто предъявляло претензии хозяйственным организациям из-за нерегулярной и неполной выдачи спецодежды. На практике было так, что обмундирование и обувь, в которых военнопленные поступали в лагерь, использовались одновременно и как рабочая одежда. Они быстро изнашивались и приходили в негодность. <...> Вопрос обеспеченности спецодеждой руководство лагерей часто увязывало с выводом контингента на работы. Поэтому хозяйственные органы были вынуждены решать эти проблемы, которые начиная с зимы 1946–1947 гг. утратили свою остроту» [Там же, с. 130].

О значимости обеспеченности военнопленных спецодеждой говорили и другие авторы. Например, Е.Л. Катасонова необеспеченность спецодеждой назвала среди причин крайне низкой производительности труда в лесной промышленности [26, с. 101]. Однако никто из авторов не исследовал данный вопрос основательно.

- Исследователи писали о том, что в лагерях были организованы мастерские по пошиву и ремонту обмундирования, одежды и суррогатированной обуви, а также прачечные. А.А. Долголюк, Н.М. Маркдорф и А.Л. Кузьминых, уделившие данному вопросу больше внимания, чем другие авторы, отмечали, что деятельность мастерских регламентировалась приказами в центре и на местах. Специальные инструкции содержали рекомендации по выпуску для пленных суррогатированной обуви из местного сырья и промышленных отходов. Изготавливались различные виды обуви: веревочные чуни (из отходов веревки или шпагата), лапти (из лыка и бересты), босоножки (деревянная подошва с ремешком), обувь на деревянной подошве с верхом из парусины, холста и старых кожаных изделий, ватные стеганые чулки или полчулки-носки (использовались с чунами и лаптями).

А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф писали и о нарушениях, связанных с функционирова-

нием мастерских. «В ряде лагерных отделений мастерские организовывались за счет сокращения вывода контингента на контрагентские работы, без учета и контроля над нарядами и счетами по выпускаемой продукции. В результате деятельность мастерских должной прибыли не приносила и не оправдывала затрат на их содержание. Во второй половине 1947 г. продукция мастерских была взята под строгий учет, а желающие пожить за казенный счет оплатили стоимость материалов и работы пленных в кассы лагерей» [18, с. 43]. К сожалению, авторы не подкрепили данные выводы конкретными фактами по лагерям и отделениям японских военнопленных.

«Дефицитная кирзовая и кожаная обувь выдавалась только в осенне-зимнее время и с наступлением весны в принудительном порядке изымалась для ремонта и лучшей сохранности», – отмечали А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф [Там же, с. 42]. «Каждую весну проводился сбор теплых вещей с одновременной их заменой летним обмундированием. Все собранное имущество очищалось от грязи и рассортировывалось по категориям ремонта», – указал А.Л. Кузьминых [35, с. 261]. Историк отметил также, что проводились даже конкурсы на лучшие образцы одежды и обуви, изготовленные военнопленными из выбракованной амуниции [Там же, с. 260]. Но специальных работ о функционировании мастерских по пошиву и ремонту обмундирования, прачечных для японских военнопленных мы не встретили.

- Исследователи отмечали, что японские военнопленные заводили контакты с местными жителями и активно меняли на продукты питания свои личные вещи, а также спецодежду и лагерное имущество. С.И. Кузнецов и О.Д. Базаров писали: «Из-за отдаленности “лесных зон” случались перебои с подвозом продуктов. Чтобы как-то поддержать силы почти все японские солдаты обменивали у местных жителей личные вещи <...> на хлеб, картошку, молоко» [2, с. 19]. В другой работе С.И. Кузнецов привел фрагмент воспоминаний жителя Магадана: «Иной раз мы, русские, делились своим куском хлеба, картошкой с пленными. Но в основном шел обмен: они нам свои шерстяные вещи, мы им – еду» [32, с. 127].

С.И. Карасев отмечал, что руководство комбината «Балейзолото» даже издало распоряжение, в котором категорически запрещалась практика продажи рабочими японцам

хлеба и других продуктов питания и покупка у них всевозможных вещей [23, с. 109].

А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф, не выделяя японских военнопленных из всей массы иностранных пленных и не приводя конкретных примеров по лагерям, в которых содержались японцы, отмечали, что в послевоенные годы в сибирских городах складывались «своеобразные “торговые” отношения, стихийный товарообмен военнопленных и местных жителей. Товарообмен различных предметов быта, изготавливаемых руками военнопленных, а также их личных вещей <...> ручных часов, а то и лагерного имущества с горожанами на продукты питания <...> получил довольно широкое распространение (разрядка наша. – С.С.)» [15, с. 233; 18, с. 261–262]. «Случаи “предпринимательских” отношений лагерного персонала и военнопленных в лагерях также имели место», – указали эти же авторы [Там же]. Однако никто из авторов не пытался основательно разобраться в том, каким образом лагерное имущество и спецодежда легко (или относительно легко) обменивались пленными на продукты.

- Исследователи писали о том, что при репатриации на родину японские военнопленные обеспечивались хорошим обмундированием. Так, М.Н. Спиридонов отмечал: «Все отбывавшие (из Красноярского края. – С.С.) военнопленные были обеспечены хорошим обмундированием, нательным бельем, полотенцем. <...> Затраты на репатриацию одного военнопленного японца обходились бюджету СССР в 615 руб. 82 коп. (по другим данным 656 руб. 90 коп.). <...> Эта сумма включала в себя стоимость вещевого имущества, питания, стоимость перевозки и медико-санитарного обслуживания» [43, с. 71–72]. Причем из общей суммы затрат на репатриацию, стоимость вещевого имущества составляла более 60 %.

Э.-Б. Гучинова сообщила: «перед репатриацией большей части военнопленных раздали трофейное японское обмундирование, которым были наполнены 300 железнодорожных вагонов и которое ждало своего часа с августа 1945 г.» [12, с. 164]. Однако она не указала, где ждали «своего часа» эти вагоны с августа 1945 г.

А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф пишут: «Перед отправкой люди проходили комплексную санобработку со сменой белья, обеспечивались обувью и обмундированием» [19, с. 748]. «Всем репатриантам были возвращены их личные вещи, выдано причитающееся за

добросовестный труд денежное вознаграждение. <...> В лаготделениях была организована торговля продуктами питания и промышленными товарами, в ходе которой отбывающие на родину приобретали себе пальто, костюмы, часы и даже аккордеоны» [16, с. 155]. Мы уже привели диаметрально противоположное мнение японского профессора Томита Такэси (см. выше). Очевидно, что и японскому, и российским исследователям следует предпринять дополнительные усилия для изучения данного вопроса.

Говоря о пробелах, недостаточно изученных вопросах и перспективах историографии, отметим следующие факты.

- Пока не издана ни одна монография, ни одна научная статья о вещевом обеспечении японских военнопленных в лагерях на территории СССР. В монографических работах и диссертационных исследованиях, которые освещают пребывание японских пленных в СССР, авторы, как правило, ограничивались рассмотрением отдельных вопросов вещевого обеспечения в рамках разделов о лагерном быте и трудоиспользовании.

- Требуется анализ выполнения приказов наркома (министра) НКВД (МВД), направленных на борьбу с хищениями имущества, предназначенного для японских военнопленных. Такой анализ в работах историков отсутствует, хотя о «беспокойстве» со стороны руководства НКВД (МВД) и ГУПВИ неблагоприятным положением дел, об издании соответствующих приказов и даже инспекторских визитах в лагерь военнопленных они писали.

- Нуждается в основательном изучении вопрос об обеспечении японских военнопленных спецодеждой и взаимодействии руководства лагерей с хозяйственными органами по данному вопросу, особенно в период с осени 1945 г. до окончания зимы 1946–1947 гг., когда он стоял наиболее остро. Отдельного внимания требует исследование обеспечения спецодеждой японцев, трудившихся на строительстве БАМа.

- Требуется большего внимания историков вопрос о систематических обменах японскими военнопленными своих вещей (а также спецодежды и лагерного имущества) на продукты питания у местных жителей. От констатации фактов таких обменов нужно перейти к анализу того, каким образом пленным удавалось менять спецодежду и лагерное имущество и каким был ущерб от таких действий.

- Нуждаются в серьезном исследовании организация и функционирование мастерских

по пошиву и ремонту обмундирования и обуви, созданных при лагерях.

– Пока не подготовлен отдельный сборник документов, раскрывающих вещевое обеспечение японских военнопленных в лагерях на территории СССР. В такой сборник прежде всего следует включить документы местных архивов, которые на данный момент представлены в опубликованных солидных сборниках явно недостаточно.

Известный российский историк военного плена Н.В. Суржикова писала: «Несмотря на экстремальные условия, в которые была поставлена страна, сталинское руководство нашло возможным <...> содержать внушительное количество военнопленных. Их эвакуация с фронтов, оборудование лагерей в тыловых районах страны, охрана, обеспечение регулярным питанием, вещевым довольствием, медицинским обслуживанием, организация почтовых отправок и трудового использования потребовали проведения колоссального объема работ и вложения значительных материальных средств, в том числе и в ущерб своим, советским, гражданам (разрядка наша. – С.С.)» [44].

Список литературы

1. Базаров О.Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997.
2. Базаров О.Д., Кузнецов С.И. В сибирском плену (Японские военнопленные в Восточной Сибири). Улан-Удэ: Сибирь, 1994.
3. Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.
4. Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2004.
5. Бондаренко Е.Ю. Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997.
6. Букин С.С., Долголюк А.А. Военнопленные в Сибири: условия лагерного быта // Сибирь в XVI–XX веках: экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 220–236.
7. Букин С.С., Долголюк А.А. Трудовое использование военнопленных в Сибири // Из прошлого Сибири: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 106–125. Вып. 3. Ч. 2.
8. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорюлько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорюлько. М.: Логос, 2000.
9. Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 115–123.
10. Галицкий В.П. Цифры, которых мы не знали // Новое время. 1990. № 24. С. 37–39.
11. Галицкий В.П. Японские военнопленные в советском плену – заложники чужой воли // Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 102–114.
12. Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы и памяти японских военнопленных о СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016> (дата обращения: 31.10.2016).
13. Долголюк А.А. Военнопленные в Кузбассе (1945–1949 гг.) // Сибирь – фронт: материалы Всерос. науч. конф. (Кемерово, 12 мая 2000 г.). Кемерово, 2000. С. 170–173.
14. Долголюк А.А. Японские военнопленные на строительстве железной дороги Тайшет – Братск // Трансиб 99: материалы регион. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 24–25 июня 1999 г.). Новосибирск, 1999. С. 517–520.
15. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Военнопленные в Сибири (1943–1950 гг.): Историческое исследование и документальные материалы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. Ч. I.
16. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Военнопленные в Сибири (1943–1950 гг.): Историческое исследование и документальные материалы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. Ч. II.
17. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Военнопленные на сибирских стройках (1943–1950 гг.) // Федерализм. 2014. № 4. С. 123–136.
18. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Иностранцы военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950). М.: Кучково поле; Императорское русское историческое общество, 2016.
19. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Репатриация военнопленных Второй мировой войны из сибирских лагерей // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 4. С. 727–762.
20. Дэлэр Р. Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе 1945–1956 гг. Сравнение их сообщений о пережитом [Электронный ресурс]. URL: http://eu-ro-ni.ch/publications/Di_rus.pdf (дата обращения: 28.07.2017).
21. Карасев С.В. История плена: Советско-японская война и ее последствия (1945–1956 годы): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2007.
22. Карасев С.В. Проблемы плена в Советско-японской войне и их последствия (1945–1956 годы). Иркутск: ИрГТУ, 2006.
23. Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945–1949 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002.
24. Карпов В. Пленники Сталина. Сибирское интернирование японской армии. 1945–1956 гг. Киев–Львов, 1997.

25. Катасонова Е.Л. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М.: Ин-т востоковедения, 2005.
26. Катасонова Е.Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (РФ) и Японии (1945–2003 гг.). Исторический аспект: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.
27. Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2003.
28. Ким С.П. Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945–1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.
29. Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после второй мировой войны: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994.
30. Кузнецов С.И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1994.
31. Кузнецов С.И. Японские военнопленные Второй мировой войны в Тайшетлаге и немецкие военнопленные лагеря 199: попытка сравнения [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/435-51613-Ussr-and-western-siberia-ussr-from-eastern-europe-and-germany-end-of-repatriation-violated-by-germany-in-june-1941.html> (дата обращения: 07.07.2017).
32. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск: Изд-во журнала «Сибирь», 1997.
33. Кузьмина М.А. Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КНАГПИ, 1996.
34. Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда: Древности Севера, 2016.
35. Кузьминых А.Л. Организация вещевого снабжения иностранных военнопленных второй мировой войны в СССР // Управление и экономика в условиях модернизации: проблемы и пути их решения: материалы науч.-практ. конф. (г. Вологда, 12 апр. 2013 г.). Вологда: Легия, 2013. С. 255–266.
36. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014.
37. Маркдорф Н.М. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013.
38. Маркдорф Н.М. Материально-бытовые проблемы лагерей НКВД–МВД СССР для военнопленных в Западной Сибири и пути их разрешения // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 4. С. 108–113.
39. Миронов А.Г. Строительство железной дороги Тайшет – Братск // Острожному Братску – 375 лет: материалы городской краеведческой конф. Братск, 2006. С. 25–31.
40. Русский архив: Великая Отечественная: в 29 т. Т. 24(13): Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. М.: ТЕРРА, 1996.
41. Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001.
42. Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2001.
43. Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001.
44. Суржикова Н.В. Новейшая отечественная историография проблем военного плена Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://be.convdocs.org/docs/index-75965.html> (дата обращения: 01.07.2017).
45. Томита Т. Архивные документы о японских военнопленных в Советском Союзе, 1945–1956 гг. // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Отгиск, 2011. Вып. 6(18). С. 592–609.
46. Томита Т. Интернированные в Сибирь японцы и их участие в общественном движении после возвращения на родину // Российско-японские отношения в формате параллельной истории: кол. моногр. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 531–561.
47. Томита Т. Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнительно-историческая оценка // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Отгиск, 2017. Вып. 8(20). С. 453–463.
48. Шалак А.В. Японские военнопленные на территории Иркутской области: динамика численности, условия проживания, трудовое использование (1945–1949 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. Иркутск, 2011. С. 225–237.
49. Японские военнопленные в СССР: 1945–1956: сб. документов / сост. В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М.: МФД, 2013.

* * *

1. Bazarov O.D. «Sibirskoe internirovanie»: japonskie voennoplennye v Burjatii (1945–1948 gg.). Ulan-Udje: VSGAKI, 1997.

2. Bazarov O.D., Kuznecov S.I. V sibirskom plenu (Japonskie voennoplennye v Vostochnoj Sibiri). Ulan-Udje: Sibir', 1994.

3. Bondarenko E.Ju. Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1956 gg.). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2002.

4. Bondarenko E.Ju. Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1956 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk. Vladivostok, 2004.
5. Bondarenko E.Ju. Japonskie voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii v poslevoennye gody. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1997.
6. Bukin S.S., Dolgoljuk A.A. Voennoplennye v Sibiri: uslovija lagernogo byta // Sibir' v XVI–XX vekah: jekonomika, obshhestvenno-politicheskaja zhizn' i kul'tura. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1997. S. 220–236.
7. Bukin S.S., Dolgoljuk A.A. Trudovoe ispol'zovanie voennoplennyh v Sibiri // Iz proshlogo Sibiri: mezhvuz. sb. nauch. tr. Novosibirsk, 1999. S. 106–125. Vyp. 3. Ch. 2.
8. Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy / sost. M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorov, T.V. Carevskaja; pod red. M.M. Zagorul'ko. M.: Logos, 2000.
9. Galickij V.P. Arhivy o lagerjah japonskih voennoplennyh v SSSR // Problemy Dal'nego Vostoka. 1990. № 6. S. 115–123.
10. Galickij V.P. Cifry, kotoryh my ne znali // Novoe vremja. 1990. № 24. S. 37–39.
11. Galickij V.P. Japonskie voennoplennye v Sovetskom plenu – zalozhniki chuzhoj voli // Sovetskij Sojuz i Japonija vo Vtoroj mirovoj vojne: uchastie i posledstvija. M.: IDV RAN, 2016. S. 102–114.
12. Guchinova Je.-B. Risovat' lager'. Jazyk travmy i pamjati japonskih voennoplennyh o SSSR [Elektronnyj resurs]. URL: <http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016> (data obrashhenija: 31.10.2016).
13. Dolgoljuk A.A. Voennoplennye v Kuzbasse (1945–1949 gg.) // Sibir' – frontu: materialy Vseros. nauch. konf. (Kemerovo, 12 maja 2000 g.). Kemerovo, 2000. S. 170–173.
14. Dolgoljuk A.A. Japonskie voennoplennye na stroitel'stve zheleznoj dorogi Tajshet – Bratsk // Transsib 99: materialy region. nauch.-prakt. konf. (Novosibirsk, 24–25 ijunja 1999 g.). Novosibirsk, 1999. S. 517–520.
15. Dolgoljuk A.A., Markdorf N.M. Voennoplennye v Sibiri (1943–1950 gg.): Istoricheskoe issledovanie i dokumental'nye materialy. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2014. Ch. I.
16. Dolgoljuk A.A., Markdorf N.M. Voennoplennye v Sibiri (1943–1950 gg.): Istoricheskoe issledovanie i dokumental'nye materialy. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2014. Ch. II.
17. Dolgoljuk A.A., Markdorf N.M. Voennoplennye na sibirskih strojkah (1943–1950 gg.) // Federalizm. 2014. № 4. S. 123–136.
18. Dolgoljuk A.A., Markdorf N.M. Inostrannye voennoplennye i internirovannye v Sibiri (1943–1950). M.: Kuchkovo pole; Imperatorskoe russkoe istoricheskoe obshhestvo, 2016.
19. Dolgoljuk A.A., Markdorf N.M. Repatriacija voennoplennyh Vtoroj mirovoj vojny iz sibirskih lagerj // Istoriko-jekonomicheskie issledovanija. 2015. T. 16. № 4. S. 727–762.
20. Djeler R. Japonskie i nemeckie voennoplennye v Sovetskom Sojuze 1945–1956 gg. Sravnenie ih soobshhenij o perezhitom [Elektronnyj resurs]. URL: http://eu-ro-ni.ch/publications/Di_rus.pdf (data obrashhenija: 28.07.2017).
21. Karasev S.V. Istorija plena: Sovetsko-japonskaja vojna i ee posledstvija (1945–1956 gody): dis. ... d-ra ist. nauk. Irkutsk, 2007.
22. Karasev S.V. Problemy plena v Sovetsko-japonskoj vojne i ih posledstvija (1945–1956 gody). Irkutsk: IrGTU, 2006.
23. Karasev S.V. Japonskie voennoplennye na territorii Chitinskoj oblasti (1945–1949 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2002.
24. Karpov V. Plenniki Stalina. Sibirskoe internirovanie japonskoj armii. 1945–1956 gg. Kiev–L'vov, 1997.
25. Katasonova E.L. Poslednie plenniki Vtoroj mirovoj vojny: maloizvestnye stranicy rossijsko-japonskih otnoshenij. M.: In-t vostokovedenija, 2005.
26. Katasonova E.L. Reshenie gumanitarnoj problemy japonskih voennoplennyh v otnoshenijah SSSR (RF) i Japonii (1945–2003 gg.). Istoricheskij aspekt: dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2004.
27. Katasonova E.L. Japonskie voennoplennye v SSSR: bol'shaja igra velikih derzhav. M.: In-t vostokovedenija RAN; Kraft+, 2003.
28. Kim S.P. Japonskie voennoplennye na territorii Sovetskogo Sojuza (1945–1956 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. M., 2016.
29. Kuznecov S.I. Problema voennoplennyh v rossijsko-japonskih otnoshenijah posle Vtoroj mirovoj vojny: ucheb. posobie. Irkutsk: Izd-vo IGU, 1994.
30. Kuznecov S.I. Japonskie voennoplennye v SSSR posle Vtoroj mirovoj vojny (1945–1956 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk. Irkutsk, 1994.
31. Kuznecov S.I. Japonskie voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v Tajshetlage i nemeckie voennoplennye lagerja 199: popytka sravnenija [Elektronnyj resurs]. URL: <http://docplayer.ru/43551613-Ussr-and-western-siberia-ussr-from-eastern-europe-and-germany-end-of-repatriation-violated-by-germany-in-june-1941.html> (data obrashhenija: 07.07.2017).
32. Kuznecov S.I. Japoncy v sibirskom plenu (1945–1956 gg.). Irkutsk: Izd-vo zhurnala «Sibir'», 1997.
33. Kuz'mina M.A. Plen: Japonskie voennoplennye v Habarovskom krae. Komsomol'sk-na-Amure: Izd-vo KnAGPI, 1996.
34. Kuz'minyh A.L. Voennyj plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gody). Vologda: Drevnosti Severa, 2016.
35. Kuz'minyh A.L. Organizacija veshhevo go snabzhenija inostrannyh voennoplennyh Vtoroj mirovoj vojny v SSSR // Upravlenie i jekonomika v usloviyah modernizacii: problemy i puti ih reshenija: materialy

nauch.-prakt. konf. (g. Vologda, 12 aprlja 2013 g.). Vologda: Legija, 2013. S. 255–266.

36. Kuz'minyh A.L. Sistema voennogo plena i internirovanija v SSSR: genezis, funkcionirovanie, lagernyj opyt (1939–1956 gg.): dis ... d-ra ist. nauk. Arhangel'sk, 2014.

37. Markdorf N.M. Voennoplennye i internirovannye Vtoroj mirovoj vojny v Zapadnoj Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2013.

38. Markdorf N.M. Material'no-bytovye problemy lagerej NKVD–MVD SSSR dlja voennoplennyh v Zapadnoj Sibiri i puti ih razreshenija // Izv. Sarat. un-ta. Novaja serija. 2012. T. 12. Ser.: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Vyp. 4. S. 108–113.

39. Mironov A.G. Stroitel'stvo zheleznoj dorogi Tajshet – Bratsk // Ostrozhnomu Bratsku – 375 let: materialy gorodskoj kraevedcheskoj konf. Bratsk, 2006. S. 25–31.

40. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja: v 29 t. T. 24(13): Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. M.: TERRA, 1996.

41. Sidorov S.G. Trud voennoplennyh v SSSR. 1939–1956 gg. Volgograd: Izd-vo Volg. gos. un-ta, 2001.

42. Sidorov S.G. Trud voennoplennyh v SSSR. 1939–1956 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk. Volgograd, 2001.

43. Spiridonov M.N. Japonskie voennoplennye v Krasnojarskom krae (1945–1948 gg.): problemy razmeshhenija, sodержanija i trudovogo ispol'zovanija: dis. ... kand. ist. nauk. Krasnojarsk, 2001.

44. Surzhikova N.V. Novejšhaja otechestvennaja istoriografija problem voennogo plena Vtoroj mirovoj vojny [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://be.convdocs.org/docs/index-75965.html> (data obrashhenija: 01.07.2017).

45. Tomita T. Arhivnye dokumenty o japonskih voennoplennyh v Sovetskom Sojuze, 1945–1956 gg. // Sibirskaja sсыlka: sb. nauch. st. Irkutsk: Ottisk, 2011. Vyp. 6(18). S. 592–609.

46. Tomita T. Internirovannye v Sibir' japonscy i ih uchastie v obshhestvennom dvizhenii posle vozvrashhenija na rodinu // Rossijsko-japonskie otnoshenija v formate parallel'noj istorii: kol. monogr. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 531–561.

47. Tomita T. Nemeckie i japonskie voennoplennye v SSSR: sravnitel'no-istoricheskaja ocenka // Sibirskaja sсыlka: sb. nauch. st. Irkutsk: Ottisk, 2017. Vyp. 8(20). S. 453–463.

48. Shalakov A.V. Japonskie voennoplennye na territorii Irkutskoj oblasti: dinamika chislennosti, uslovija prozhivanija, trudovoe ispol'zovanie (1945–1949 gg.) // Irkutskij istoriko-jekonomicheskij ezhegodnik: 2011. Irkutsk, 2011. S. 225–237.

49. Japonskie voennoplennye v SSSR: 1945–1956: sb. dokumentov / sost. V.A. Gavrilov, E.L. Katsanova. M.: MFD, 2013.

Clothing for Japanese prisoners of war in the Soviet Union (1945–1956) (domestic and foreign historiography)

The article represents Russian and foreign research results regarding clothing of Japanese prisoners of war in the camps in the territory of the USSR (1945–1956). The author represents a historiographical analysis of the works of historians from Russia and a number of researchers from Ukraine, Switzerland and Japan, published in 1994–2017, which cover the issues of clothing of Japanese prisoners of war in the Soviet Union.

Key words: Japanese prisoners of war in the USSR, GUPVI, camps of the NKVD – MIA of the USSR, clothing, logistics, special clothing, domestic historiography, foreign historiography.

(Статья поступила в редакцию 11.08.2017)

A.B. КОВАЛЕВ
(Волгоград)

**АНГЛИЙСКОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII в.
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА
ДЖОНА ЛОККА**

Рассмотрены идеи известного английского мыслителя Джона Локка. Анализируется связь между законодательством конца XVII – начала XVIII в., формировавшим систему конституционной монархии в Англии, и политической концепцией Дж. Локка.

Ключевые слова: Англия, Джон Локк, Славная революция, конституционная монархия, законодательство.

Социально-политическая доктрина известного английского философа XVII столетия Джона Локка обычно связывается исследователями со Славной революцией 1688–1689 гг. в Англии и ее результатами. То, насколько верно подобная связь, можно проследить, в частности, на примере законодательства конца XVII – начала XVIII в.